

Брат и сестра (3)

Не в котором царстве, не в котором государстве жил-был купец с купчихой; у них был сын да дочь. Вот и умерли этот купец с купчихой, и умирали когда они, дак наказывали сыну своему, чтобы да он почитал сестру; поэтому она наболыпа осталася. Вот и стали эти брат с сестрой жить, и живут они сколя — много-мало. А торговал этот купеческий сын. И завсегда он благословлялся у своей сестры, когда надо было ему уходить на базар. Так, значит, и жили они добрыми порядками.

Вот одиножды они обедали; обедают, значит, как подобает, только этот купеческий сын сидел, сидел, за столом-то, значит, да и рассмехнулся. Вот сестра и спрашивает его: «А что ты, брат, рассмеялся? У тебя, верно, что-то на уме есть?» — И говорит он сестре своей: «Ах, любезная сестрица! У меня и подлинно есть что-то на уме, да не знаю, как про то сказать тебе». — «Говори, говори, любезный братец, что у тебя на уме!» — «Да я думаю, любезная сестрица, что не худо бы и жениться мне: добры люди говорят, что пора и пристроиться». — И говорит ему сестра: «Оно вестимо так, братец! Не жениться хорошо, а жениться лучше того...» — «Дак что же, поедем ино свататься!»

Вот и поехали они свататься... наперед, значит, невесту выбирать... Ну, а невест, известно дело, много — кишмя кишат: та хороша, другая лучше еще; и всяки есть — и баские, и богаты... Вот и навятели ему, значит, одну невесту, то есть нахвалили, и женился на ней купеческий сын.

Вот и живет он с молодой своей женой много-мало время; ну и ладно на первых-то порах. А благословенье родительско не забывает купеческий сын — всегда, значит, благословляется у сестры, когда пойдет в лавку торговать. Вот и не слюбись это жене-то его молодой, то есть, что он благословляется у сестры-то.

Вот эта молодая жена проводила одиножды мужа в лавку и села сама под окно. Вот она сидит, А сестра была в те поры дома. Вот сидит эта молодуха под окном. Вот в это время идет мимо окошек-те ее хачель (любовник, значит); только, значит, он поровнялся с окошками-то — она и стук, стук, стук ему в окошко-то: зайди, дескать. Вот и зашел ее хачель в горницу.

Сестра увидела его да и говорит: «А ты, — говорит, — зачем сюда прикатился?» (Поэтому: человек был незнакомый.) — Он и отвечает ей: «Я к твоему брату пришел». — А сестра и говорит опять: «Брат в это время завсегда бывает на базаре, и всяк знает, что его топеречь дома нетука». И не слюбись это сношке.

Вот после, когда прийти, значит, мужу-то, она взяла, да тихомолком и убила горнишну свою собачку, а сама натерла глаза луком и села к окну — и сидит, будто плачет. Вот и пришел муж из лавки и увидел слезы-то на глазах и спрашивает: «А о чем ты, любезная жена, плачешь?» — И отвечает ему она: «Да вон сестрица-то твоя уж не знает, как досадить мне, дак взяла да и убила мою собачку! А у меня только и было утехи-то, что эта собачка! Мне всегда скучно бывать без тебя, ну я и забавлялась с собачкой!» — А сама будто плачет. Вот муж и стал, значит, ласкать ее: «Не плачь, — говорит, — я тебе другу, еще лучше куплю собачку-то!».

Вот хорошо. Так и прошло это дело. Он не сказал, значит, и слова сестре, что — зачем она убила собачку его. жены. Вот наутро, как идти ему в лавку, он опять, значит, и благословился у сестры и ушел.

Вот как ушел он, молодая его жена опять, значит, и села к окошку и сидит. Вот опять идет мимо окошек ее хахель. Вот она опять и созвала его. Вот и зашел этот хахель, и сидят они. Вот сестра опять и увидела его; как увидела, значит, ну и спрашивает его опять: «Зачем, — дескать, — еще пришел?» — И отвечает ей этот хахель опять: «Я, — говорит, — к твоему брату пришел». — И говорит она ему: «Да ведь я, — говорит, — в запрошлый раз сказала тебе, что брата в эту пору не бывает дома. У меня, — говорит, — не ходи без него, а то я, — говорит, — скажу брату!» — И ушел этот хахель.

Вот сноха эта взяла да и убила своего ребенка. — А у ней был ребенок. — Вот как убила она ребенка, взяла опять луку и пуще того натерла луком себе глаза и села опять и сидит — будто плачет и убивается. Вот приходит муж из лавки и видит, что жена его пуще еще плачет. Вот и спрашивает он ее: «А что опять с тобой, любезна жена, доспилось?» — «А посмотри-ка, — говорит ему она, — что доспела твоя-то сестра: ведь она и ребенка-то моего уходила!..» — И давай сама будто плакать.

Посмотрел он: и заподлинно ребенок убит. Огорчился, значит, он. Оно и егсшимо: родно детище — как не жаль! И чужого жаль! Вот и говорит он жене своей: «Что же, — говорит, — я буду делать с лиходейкой сестрой?» — И говорит ему жена: «Да запряги лошадь — будто едешь кататься, ну и

возьми ее с собой; завези ее в лес и убей в лесу — да смотри, сердце привези мне!»

Вот он взял запряг лошадь и стал звать сестру с собой кататься. Согласилась эта сестра, и поехали они. Вот едут. Вот и привез он эту сестру свою в лес. Вот привез он сестру свою в лес, и высадил ее, и говорит ей: «Ну, сестра, я много терпел от тебя бед! Теперь пришло времечко, и я тебя убью!»

Вот сестра и почала его уговаривать, чтобы да он не убивал ее до смерти: «Отсеки, — говорит, — хочешь руки да ноги — я тогда никуда не уйду!» — Он и говорит: «Нельзя, сестрица, этого сделать: хоть мне-ка и жалко тебя, а боюсь я хозяйки (жены, то есть). Она, — говорит, — велела мне сердце твое привезти к ней!» — Как раз на ту пору бежит собака. Сестра эта и говорит ему: «Вот, братец родной, поймай эту собаку, убей ее и вынь из нее сердце и увези его к жене: ведь она не узнает, какое сердце».

Вот он поймал ту собаку, убил ее, вынул из нее сердце, взял это сердце к себе. Вот как сделал он это, потом отсек сестре руки да ноги и оставил ее так в лесу, а сам и уехал домой. Приехал он домой и отдал жене сердце.

Вот тем времём сестре-то и подсобил как-то Бог милосливый залезти на дуб.

Вот и пошел Иван-царевич на охоту, и идет он по лесу, а собаки-то его убежали, значит, поперед да к дубу-то и прибежали, и ну они лаять на купеческую-ту дочь: а она на дубе-то, значит,, и была ша том. Вот лают собаки. Вот Иван-царевич и прибежал тутака да и спрашивает: «Кто тутатка? Если старушка сидит, дак будь мне бабушка, середня девица, дак будь мне тетушка, а если красна девица, дак будь моя обручница!» — И говорит ему купеческая дочь: «Нет, молодец, не возьмешь ты меня в супружницы: я без рук и без ног!» — «А увидим, красна девица!»

Вот он взял ее, снял с дуба и повез во дворец. Привез он купеческую дочь во дворец и стал говорить родителям своим: «Вот так и так, тятенька и маменька! Я, — говорит, — нашел вот какую находку и обещался взять ее за себя замуж. Благословите, — говорит, — тятенька и маменька». — Вот родители-то почали его разговаривать; но он одно, что «женюсь!»

Не что делать, дали благословенье, и женился Иван-царевич. Ну и, разумно дело, пошел пир на весь мир. Вот как женился Иван-царевич, ну и стал жить со своей молодой, безногой и безрукой женой, и стал жить то есть

преотменно!

Вот и спросили Ивана-царевича в иные города. Вот и поехал он и наказал отцу и матери, чтобы да берегли его жену, как прежде его берегли. Вот и уехал Иван-царевич, а молодая жена осталась дома: по этому — она была *череваста* (т. е. беременна).

Вот уж время приспело родить царевне. Вот родители и созвали бабушку; а в бабушки-то да и попадись, значит, мать снохи царевниной-то. Вот и родила царевна парнечка, царевича, значит, да такого-то раскрасавчика: по локоть руки в золоте, по колены ножки в серебре, в лобу красное солнышко, а в затылке светел месяц.

Вот эта бабушка взяла да и достала щенка, да и принесла этого щенка ко свекру и свекровке; как принесла к ним, да и говорит: «Вот кого родила ваша сношка!» (А ребенка унесла к себе домой.)

Вот они взяли да и написали сыну, что «вот, дескать, так и так: твоя супружница родила щенка, дак что делать с этим щенком?» — Вот Иван-царевич и послал им ответ, чтобы да ничего до его не делали со щенком. А грамоту-ту эту бабушка-та возьми да и перехвати, да и напиши сама им, от его, значит, чтобы да отец и мать отпустили его супружницу в бочку со щенком — запечатали бы, значит, ее со щенком в бочке и отпустили по морю.

Вот они, значит, получили эту грамотку, взяли свою сношку, да и в бочку, и щенка тоже. В эту же пору и бабушка-та успела тихомолком сунуть в бочку и ребенка. Потом взяли, значит, запечатали эту бочку да и отпустили ее по морю. Вот и поплыла эта бочка, поплыла да и поплыла.

Ну, тамока плавала сколько — много-мало, вот и подплыла эта бочка к плоту. А плотик этот был старичий — монастырский, значит. На этом плоту в те поры старица с коромыслом пришла за водой. Вот наша царевна и услышала, что кто-то есть неподалеку: вот и стала она слезно просить, чтобы да ее вытащили из бочки-то. Вот эта старица взяла да и разбила бочку. И вышла наша царевна из бочки и щенок за ней и ребенок, да такой-то большой ребенок-от: он не по годам, а по часам рос, как пшеничное тесто на опаре киснет.

Вот эта старица и созвала ее, и с ребенком и со щенком, в монастырь жить. Вот пришли они в монастырь и стали жить.

Вот живут они дивно время. Ребенок вырос и большой такой стал детина, хороший из себя. Вот царевна и вздумала идти на свою сторону; распростилась со всеми и пошла со своим сынком.

Вот они шли много-много. Вот и стали подходить к государству, где-ка жил Иван-царевич. Вот и услышали они, что у Ивана-царевича пир: а он только что, значит, в те поры женился и взял за себя снохину сестру — дочь, значит, бабушки-то.

Вот они пришли в этот город и стали ночевать проситься в доме Ивана-царевича, во дворце, значит. А как людно было тутака, их не пускают слуги. Вот сын царевны и говорит слугам: «Скажите, — говорит, — Ивану-царевичу, что я умею сказки сказывать: может, честна компания и послушает моих сказок». — Вот и сказали слуги, что молодец умеет сказки сказывать. И велели пустить их.

Вот как пустили, царевнин сын и стал рассказывать, как и что было: то есть как его мать погубила сноха — ну, все про все и рассказал. Тогда Иван-царевич и догадался про все и велел казнить сперва сноху, тут бабушку. А сам и стал жить с этой женой да сыном. И топеречь, знать, живут.

(Зап. Ив. Потаповым)

Великорусские сказки Пермской губернии. Сборник Д. К. Зеленина. Москва. Изд. "Правда", 1991.

Читайте также русскую народную сказку "[Косоручка](#)".